Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ЛИТЕРАТУРНОГО

СУДА НАД ГАПОНОМ.

ПЕТРОГРАД.—1921.

ПОЛИТИЧЕСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА.

... Государственная Типография.

Р. В. Ц. Отпечатано 2.000 экз.

Материалы для литературного суда над Гапоном.

Решительным толчком к первой русской революции может считаться движение рабочих, поднятое в Петербурге 9-го января 1905 г. Оно выдвинуло на поверхность русской жизни священника Георгия Гапона. Впечатление от январских событий было огромное,—о самом Гапоне везде заговорили, многие революционеры возлагали на него большие надежды, многие рабочие в нем видели своего вождя. Мы знаем, как бесславно погиб этот „рабочий вождь". Виновность Гапона, его предательство были несомненны для преданных им и казнивших его рабочих. Но мы, пережив первую революцию 1905—06 года и ее поражение, проделав вторую победоносную революцию 1917 г. и завершив ее Рабочим Октябрем,—на этом пути видели столько примеров поразительных перевоплощений, столько случаев предательства, перехода наших вчерашних друзей в лагерь наших врагов, столько пережили мы горьких разочарований, что и в этом отношении закалились и тут стали способными рассуждать спокойно и беспристрастно. Да и лет прошло не мало со времени Гапоновской истории, истории темной и загадочной. Поэтому восстановление всей картины, выяснение всей роли и самой личности Гапона может пролить свет на многие оставшиеся до последнего времени темными стороны Гапоновской истории, может дать богатый материал для нового суда над Гапоном. Тем судьям его, от руки которых он понес суровую кару,

неизвестно было и не могло быть известно многое, что теперь знаем мы. И прежде всего у них, уверенных в его предательстве, не было возможности установить, был ли Гапон предателем до 9-го января 1905 года, или тогда он был искренне на стороне рабочих. Теперь мы располагаем признаниями старого охранника, заведывавшего политической частью департамента полиции Зубатова, в которых много говорится о Гапоне, о его роли до 9-го января.

Зубатов, в бытность свою начальником Московского Охранного Отделения, явился создателем „особого политического курса“ по отношению к рабочим, который получил название „Зубатовщины“. Курс этот, в коротких словах, сводился к тому, чтобы путем организации своеобразных „профсоюзов“, чуждых политики, уничтожить влияние соц.-дем. на рабочее движение. Знакомясь с тем, что говорит о Гапоне Зубатов, мы попутно познакомимся и с этой интересной страничкой истории „рабочего движения“.

Вот что читаем мы у Зубатова.

Первая встреча его с Гапоном состоялась в Петербурге в 1902 году. Гапон в то время был вдовцом, имел детей, состоял студентом Духовной Академии и пользовался покровительством пожилых знатных дам, градоначальника, митрополита. Он подал в Градоначальство записку о желательности организации босяков. Когда Зубатов приехал в Петербург для организации „легального рабочего движения“, его познакомили с Гапоном. Побеседовав с ним, Зубатов убедился, что в политике Гапон „достаточно желторот“, в рабочих делах—„совсем сырой человек“, о существовании литературы по профессиональному движению совсем не слыхал. Гапон зачастил к Зубатову и во время бесед слова Зубатова заносил в записную книжку. Узнав от каких-то рабочих, что Гапон сильно нуждается, Зубатов предложил ему помощь, и Гапон не отказался от ежемесячного пособия в 100 руб.

Отношения Гапона с рабочими—по наблюдениям Зубатова — были отличные: рабочих подкупала простота „батюшки", который нередко во время пикников, после выпивки и закуски, принимал участие в пении, а потом и в плясках, подобрав полы подрясника.

„Легализация" рабочего движения шла своим чередом: открыто было общество, об'единившее рабочих механического производства, открывались кружки, чайные, клубы. Но вот Зубатов не поладил со своим начальником, и его „убрали" из Петербурга. При сдаче дел другому важному чиновнику деп. полиции Зубатов предъявляет оправдательные документы на ежемесячное 100-рублевое пособие Гапону и неожиданно узнает, что чиновник, принимавший дела, сам платил Гапону столько же.

Впоследствии от этого самого чиновника Зубатов узнал, что „начальство", не совсем доверявшее опытам Зубатова, приставило к нему агента . . . в лице Гапона, получавшего за это из департамента полиции 100 рублей в месяц.

В 1903 году Гапон пишет Зубатову в Москву, как ученик—учителю, письма, в которых сообщает о ходе „рабочего дела" в Питере, сообщает, что „теперь связь с полицией порвана", „она может только контролировать нас, но не держать на привязи". Тут же, однако, он сообщает, что представляет доклады о работе своих чайных и кружков градоначальнику и директору департамента полиции. Из этого Зубатов заключает, что власть дала Гапону известную самостоятельность, и он, проповедуя рабочим независимость их „движения" от полиции, потихоньку бегал к ней с докладами.

В 1904 году Гапон появляется в Москве, но московская полиция просит его „убраться из города".

Весьма интересно, как об'ясняет Зубатов зарождение у Гапона идеи о необходимости непосредственного обращения

рабочих к царю: Гапон отдалил власть от рабочих в интересах личного тщеславия, но тем самым лишил своих рабочих защиты от нападений на них предпринимателей. Когда такая беда стряслась, и власть сдавшая рабочих на руки Гапону и решившая, очевидно, что эти дела ее непосредственно не касаются, очень слабо реагировала на его просьбы о помощи, Гапон ударился в крайность и в сознании своего полного бессилия помочь доверившимся ему рабочим, стал агитировать за обращение их прямо к царю. С другой стороны—стал заигрывать с революционерами.

Насколько правдиво и точно то, что говорит о Гапоне Зубатов, решить трудно, но записки его ценны для нас в том отношении, что исходят оттуда, где мы ищем связей предателя с полицией, из недр самой полиции, ее высшего органа—департамента.

Проследим деятельность Гапона дальше.

Тут мы имеем богатый материал. Это—записки социалиста-революционера, друга Гапона, а впоследствии—одного из его судей—Рутенберга и отчасти „Воспоминания" Савинкова, который сам сделался теперь врагом рабочего класса и прислужником империалистов, а когда-то руководил убийствами царских прислужников (Плеве, великого князя Сергея), будучи видным членом боевой организации эсэров.

Перед 9-м января в Петербурге была забастовка. Рабочие, встревоженные, волнующиеся, устремляли взоры на батюшку, на своего руководителя. Их обращения ко всем власть имущим—от директоров заводов до министров включительно—остались без результата. И вот, 5-го января в Нарвском Отделе „Союза русских фабрично-заводских рабочих"—Гапон, увлеченный стихией, возбужденный передавшимся его нервной натуре волнением рабочих, бросает лозунг: „К самому царю!.. Всюду ходили—везде ничего! Так пойдем, товарищи, к са-

мому царю!" Простая логика и эффектная фраза увлекают толпу. „Пойдем!—И, если надо будет, сложим головы, а своего добьемся!", отвечают тысячи рабочих. Гапон составляет петицию к царю, читает ее десяткам тысяч рабочих и назначает на 9-е января шествие к Зимнему Дворцу.

Рутенберг, инженер, пользовавшийся доверием рабочих, из беседы с Гапоном утром 9-го января выясняет, что практического плана у священника нет никакого. На предупреждение, что поставленные на пути правительством войска наверное будут стрелять—Гапон отвечает: „Нет... не думаю".

Рабочие, взяв из церквей хоругви, двинулись. К стрельбе в них они были готовы. Шли они с пением „Спаси, Господи, люди Твоя"...

Дальше, у Нарвских ворот, произошло то, что мы называем „9-м Января"...

Среди мертвых и раненых, свернувшись, лежит Гапон. Он жив и невредим. Рутенберг помогает ему проползти, пробраться к ближайшим воротам. И там, во дворе, среди окровавленных рабочих, раненных царскими пулями, среди полубезумных, мечущихся людей, Гапон кричит: „Нет больше Бога! Нет больше царя!"

Это—новая программа; программа его и рабочих, которые идут за ним.

Рутенберг решил спасти Гапона. Остриженный, переодетый в штатское платье, бледный и трясущийся, Гапон скрывался у знакомых Рутенберга. И как только проходила, удаляясь на время, непосредственная опасность быть арестованным, он становился легкомысленным и тщеславным, делился с малознакомыми людьми своими планами, открывал им свое имя и т. д.

Вместе с группой интеллигенции Гапон составил воззвание к рабочим, в котором призывал их мстить царю и его при-

спешникам, не становиться на работу, строить баррикады, громить дворцы. Однако, стачка падала. Гапона переправили из Петербурга в одно имение, далекое от столицы, с целью дать ему возможность оттуда уехать за границу. Там он должен был под влиянием своего авторитета об'единить все революционные силы: и эс-еров, и социал-демократов. Сам он должен был оставаться нейтральным, не пристава ни к одной из партий.

Гапон благополучно выбрался за-границу.

Но, попав туда и обратившись в Женеве к Плеханову, Гапон, успокоенный и пришедший в равновесие, стал рассказывать Плеханову и его друзьям о своей роли в событиях 9-го января и сразу об'явил себя социал-демократом. О партиях, об их программах, об их значении он имел самые смутные понятия. Но его не экзаменовали: он был тогда для всех революционным вождем, авторитет его был велик. Часто он попадал в неловкие положения, по своей неосведомленности соглашаясь с совершенно противоположными мнениями и взглядами, но в искренности его в то время никто не сомневался.

Переехав из Женевы в Париж, Гапон, вошедший во вкус своей роли вождя, стал знакомиться с знаменитостями, побывал у Жореса, Вальяна, Клемансо. А затем всем подробно рассказывал, с каким почетом они его принимали. В этот период времени, разговорившись с виднейшим эс-эром, впоследствии разоблаченным провокатором Азефом, Гапон поведал Азефу о своих сношениях с Зубатовым и с полицией. Это совпало с появлением в Париже одного бывшего агента охранки, пожелавшего загладить свое прошлое и открыть эс-эрам многие полицейские тайны. Беседа Азефа с Гапоном произошла тогда, когда Гапон узнал об этом агенте; возможно, что, опасаясь разоблачений, он „забежал вперед".

К этому времени авторитет Гапона поколебался, его неподготовленность к роли вождя стала ясной и после неудач-

ной „конференции", созванной им для „об'единения партий" ему самому предложено было эс-эрами для выучки вступить в их партию. Он согласился, приняв все поставленные условия в отношении обязанностей, дисциплины и т. д. Однако, вскоре он отказался ехать в Россию для агитации среди крестьян по выработанному плану. „Учиться" также не стал. Сказки, ходившие о нем заграницей, портреты его в витринах, пьесы из „его жизни"—все это совершенно вскружило ему голову. К тому же, его знакомая, ездившая в Петербург по его личному делу, вернувшись, сообщила, что рабочие ждут его и помнят. Гапон, окончательно уверенный в своем призвании быть всюду, выписал из России одного из „своих" рабочих, преданного ему Петрова, который должен был своими рассказами о Гапоне и его роли в рабочем движении поднять авторитет его заграницей. Ослепленный блеском, окружавшим Гапона заграницей, Петров всецело подпал под его влияние. При помощи Петрова Гапон получил от некоего Сокова 50000 франков „на дело". Это было уже в Лондоне, куда Гапон переехал из Парижа. Рутенберг, ездивший на время в Россию, приехав в Лондон, узнал, что Гапон ушел из партии эс-эров (по ее предложению), и убедился, что Гапона не переделать.

Савинков дает интересный отзыв о Гапоне в этот заграничный период его жизни. Гапон произвел на него большое впечатление, которое неизменно выросло, когда Савинков впервые услышал его как оратора. Священник обнаружил первоклассный ораторский талант, что при большом его темпераменте и находчивом уме об'ясняло его успех у рабочих. Однако, большой и горячей любви к революции Савинков в Гапоне не заметил. Некоторые эс-эры в этот период характеризовали Гапона как „попа, запутавшегося в революции, но искреннего и честного".

Из Лондона, куда Гапон ездил с целью издания (за боль-

шие деньги) своей автобиографии, он поехал в Финляндию, куда из-за границы был направлен большой транспорт оружия. Какова была тут роль Гапона, достоверно неизвестно. Пробыв некоторое время в Финляндии, где он оставался тем же тщеславным „приближенным“ Гапоном („Почем знать! Может быть, я буду русским Наполеоном!“ — слова, связанные Гапоном финскому революционеру капитану Коку), Гапон вернулся за-границу.

В Женеве в это время находился моряк Матюшенко, бывший революционный командир восставшего „Потемкина“. За ним еще раньше усиленно „охотился“ Гапон, стараясь привлечь его в свой „Рабочий Союз“. Матюшенко верил Гапону; поверил ему и на этот раз, когда Гапон, приехав из Финляндии, рассказал, что пробыл два месяца в Петербурге, устроил „Союз“, что туда, в Петербург, он отправился на корабле „Джон Клафтон“, снаряженном им самим и везшим оружие в Россию, и что при взрыве этого корабля он едва спасся. Правдой тут было только то, что у берегов Финляндии взорвался корабль, с грузом оружия, часть которого должна была пойти для Гапоновского союза. Но никакого иного отношения к этому кораблю Гапон не имел; в Петербурге он не был, а дней десять пробыл в Финляндии. Обман скоро был разоблачен Савинковым, с которым Гапон после этого поссорился. Эс-эр Гоц, узнав об этом, сказал Савинкову, что „верно, скоро все Гапону перестанут верить“.

За границей Гапон пробыл, ведя „рассеянный“ образ жизни, посещая рестораны, театры и кабаре, швыряя золотые на чай музыкантам и лакеям (по свидетельству Рутенберга), до Октябрьского манифеста 1905 года и амнистии. В начале ноября 1905 г. он вернулся в Петербург. Он не попал под амнистию, но, приехав, стал просить Рутенберга исхлопотать ему ее. Революция тогда не была еще побеждена,

но открыто стать под ее защиту Гапон не хотел. Вскоре все привлекавшиеся по делу 9-го января—в том числе и Гапон—были амнистированы. Дальше эс-эр Рутенберг рисует такую картину: В это время в Петербурге „рабочие верхи", сознательные рабочие были организованы эс-эрами и эс-деками. Рабочая же масса, серая и несознательная, стала уклоняться в сторону равнодушия к революции, к рабочему движению, а то и прямо—в сторону „черной сотни". Интерес и доверие к имени Гапона в рабочей среде были все же сильны, и, по мнению Рутенберга и его единомышленников, Гапон должен был использовать это доверие, занявшись восстановлением своих прежних, внепартийных, чисто-профессиональных рабочих организаций („отделов" Союза). В этом ему помогли бы и социалистические партии и руководимые ими передовые рабочие, так как это остановило бы уход массы к черной сотне. В то же время внепартийность этих отделов дала бы возможность рабочим спокойно осмотреться, разобраться в различных течениях и в то же время сорганизоваться в более крупные профессиональные и кооперативные союзы. Экономическая мощь таких организаций была бы велика, и они могли бы сыграть большую роль в профессиональном движении. Гапон согласился с этой точкой зрения, но вдруг в газетах стали появляться интервью с ним и его статьи, подтвердившие худшие опасения социалистов. Гапон решил использовать свое влияние только для себя и стал действовать как демагог, нападая на социалистов и призывая к примирению с правительством. Это „умиротворяющее" направление, конечно, должно было приттись по душе серой, нереволюционно-настроенной рабочей массе. Совет Раб. Депутатов, в котором раздавались голоса, призывавшие к борьбе с „гапоновщиной", скоро перестал существовать. С этого времени и до февраля 1906 г. Рутенберг Гапона не видел. Гапон сделал в январе 1906 г.

попытку повидаться с Рутенбергом, но эта встреча не состоялась.

В феврале, в Москве, к Рутенбергу, жившему там нелегально, явился Гапон—по очень важному делу, как он заявил. Он был хорошо одет, но показался Рутенбергу каким-то приниженным, беспокойным, настаивая, чтоб о важном деле переговорить вечером в ресторане „Яр". Тут же предложил Рутенбергу купить ему в подарок хорошее пальто.

Вечером, на той же квартире, Гапон посвятил Рутенберга в следующее:

В кабинете министров большие разногласия из-за его Гапоновских „Отделов". Витте—за их существование, Дурново (мин. внутрен. дел)—против этого и требует ареста Гапона. Гапон познакомился с секретарем Витте, Мануйловым, передавшим ему восторженный отзыв о нем Витте, а при одном из следующих свиданий сообщивший, что с Гапоном хочет повидаться вице-директор департамента полиции Рачковский—правая рука Дурново. Гапон согласился. Свидание состоялось. Рачковский изложил взгляд Дурново на Гапона, как на опасного и чрезвычайно талантливого революционного вождя, могущего легко повторить „9-е января". Гапон успокаивал его, уверяя, что в своих „Отделах" имеет в виду исключительно профессиональное движение. По предложению Рачковского Гапон после колебаний написал соответствующее письмо Дурново.

Черновик этого письма Гапон обещал показать Рутенбергу на другой день, т. к. оставил его в гостинице. Поездка в „Яр" состоялась, и Гапон убедил Рутенберга махнуть рукой на конспирацию и пойти в общий зал: „Там музыка, там женщины"...

На следующий день черновик письма к Дурново был прочитан. Затем Гапон продолжал рассказ.

Свидание с Рачковским повторилось в присутствии начальника петербургского Охранного отделения,—Герасимова. Тут

разговор шел о том, что правительство Гапону все-таки не доверяет, боится его. Нужно доказательство лойяльности, примирения с правительством—в виде помощи правительству, в виде „освещения" положения. И, соблазняя Гапона чинами, деньгами, полной легализацией Отделов и т. д., стали выспрашивать о Чернове, о „бабушке" (Брешко-Брешковской), о Рутенберге. В конце концов, Гапон согласился принять на себя поручение узнать и выдать какой-то „заговор против царя, Витте и Дурново". Для этого взялся „соблазнить" Рутенберга в провокаторы.

Все это Гапон изобразил Рутенбергу в виде плана „использовать свое положение (связь с полицией) с революционной целью". Тут же заявил, что ему необходимо сделаться членом „Боевой организации" эс-эров и „знать все". Тогда можно будет „убрать" и Витте, и Дурново.

Затем Гапон стал уговаривать Рутенберга повидаться с Рачковским, указывая, что этим способом можно будет добыть „рычаг всего дела"—деньги. Тут же сам предложил отложить свидание, т. к. потом „больше дадут".

Затем Гапон рассказал, что виделся с бывш. директором департамента полиции, Лопухиным, который тоже его уговаривал „осветить положение".

Рутенберг прибавляет тут, что Гапон, несомненно, приехав в Москву специально для переговоров с ним, Рутенбергом, нарочно возил его к „Яру", в общий зал, где, должно-быть, сидел агент Рачковского, как свидетель, что свидание состоялось.

Со слов Рачковского Гапон уверял Рутенберга, что эс-эры работали в России на японские деньги. Предлагал Рутенбергу освободить из тюрьмы его брата. Словом, как будто бы пробовал разными средствами то восстановить его против партийных товарищей, то завоевать его доверие.

Убедившись, что доверия Рутенбергу он не внушает, что

Рутенберг не идет на соглашение с Рачковским, Гапон начал заметно нервничать. Уехав в Петербург, а затем в Северск, Рутенберг повидался с Азефом и с другими членами Ц. К. эс-еров, и было решено покончить с Гапоном. Выдвинут был проект: пойти на свидание с Рачковским и убить обоих—Гапона и Рачковского. Был разработан соответствующий план. В случае неудачи надо было убить одного Гапона. В промежуток времени, пока Рутенберг не виделся с Гапоном, появилось в газетах разоблачение о полученных Гапоном для „отделов" от Витте 30000 рублей. Это была сложная и грязная история, начало которой известно. Один из сподвижников Гапона, Матюшинский, присвоил себе из этих денег больше 20000 руб. и бежал. Гапон „изловил" его при помощи двух „своих" рабочих и при содействии полиции.

Автора газетного разоблачения Гапон при новой встрече с Рутенбергом в Петербурге всячески клеймил. Он рассказал, что рабочие ему попрежнему доверяют и хотели даже убить автора разоблачения.

Между прочим, Рутенберг выяснил в беседе с Гапоном новую подробность: сначала (в ноябре) было свидание с Лопухиным, а потом уже с Рачковским.

После газетного разоблачения, долженствовавшего подорвать общественное доверие к Гапону, он становился как-будто бесполезным для Рачковского. Однако, Гапон сообщил Рутенбергу, что виделся с Рачковским и после этой истории. Возобновился разговор о необходимости свидания Рутенберга с Рачковским. Гапон за это пообещал Рутенбергу 3000 руб., а Рутенберг запросил 25000 р. На вопрос Рутенберга Гапон заявил, что Рачковский ему, Гапону, верит попрежнему. Рутенберг решился на свидание с Рачковским, но т. к. придуманный эс-эрами план не был еще выполнен в достаточной мере, он уклонялся от прямого ответа Гапону. С Гапоном, занятым идеей своей реабилитации путем общественного суда (по делу

о 30000 руб.). Рутенберг продолжал видеться и узнал от него новые подробности его свиданий с Рачковским. Некоторые из этих подробностей были ложны. Например, Гапон сообщил Рутенбергу слова, сказанные Дурново Рачковскому: „Гапон видел в Москве Рутенберга, а тебе даже не сказал его адреса". Между тем, немедленно после посещения Рутенберга Гапоном в Москве за квартирой Рутенберга началась слежка. В числе своих свиданий с Рачковским Гапон тоже все время путался.

Наконец, Рутенберг заявил Гапону, что согласен на свидание с Рачковским. Гапон сперва взволновался, а затем стал торговаться с Рутенбергом о сумме денег за выдачу Рачковскому порученного ас-эрами Рутенбергу „дела". День и час был назначен. Накануне этого дня Гапон известил Рутенберга о месте свидания (в ресторане). В назначенный день Рутенберг отправился туда, но Рачковский не явился. Не явился и Гапон, об'яснивший все это тем, что Рутенберг не известил его о своем окончательном согласии на час и место свидания. Затем (при свидании с Рутенбергом) он снова стал торговаться с последним, обещая в то же время ему освобождение его брата из тюрьмы и другие блага. Тон Гапона стал спокойнее и развязнее: Рутенберг „клюнул"—пришел в ресторан на свидание. Выяснилось, что теперь Рачковский соглашается на свидание с Рутенбергом только после того, как тот что-нибудь „расскажет".

Рутенберг с'ездил в Северск посоветоваться с Азефом и, вернувшись, снова увиделся с Гапоном. Тот стал ему говорить, что либо надо получить от Рачковского деньги и скрыться, либо действительно „рассказать" Рачковскому, либо на свидании убить его, а заодно и Герасимова. Последнее дело он соглашался „взять на себя", сейчас же отказался от этой мысли и стал уговаривать Рутенберга „рассказать" Рачковскому, т. е. выдать возложенное на него партией дело, как он, Гапон, предполагал—покушение на Дурново. Назначили новый день для свидания Рутенберга с Рачковским—13 марта.

Но 13-го Гапон вызвал Рутенберга запиской на 15-е к себе на дачу—в Терноки—на свидание без Рачковского.

Не зная, что делать, Рутенберг поехал совещаться с Ц. К. партии с.-р., но затем вернулся в Петербург и решил действовать на свой страх и убить одного Гапона. Войдя в определенное соглашение с группой рабочих („эс-эров"), знавших хорошо Гапона, Рутенберг назначил свидание Гапону. Они взяли извощика, которого изображал переодетый рабочий. По пути разговор принял откровенный характер: и о Рачковском, и о 25000 руб. за открытие дела, и о том, что свидание Рутенберга с Рачковским теперь уже непременно состоится и т. д. Расстались, условившись встретиться 27 марта для окончательных переговоров о свидании с Рачковским. Рассказ „извощика" ошеломил остальных его товарищей-рабочих. Пришли к соглашению, как устроить арест и суд над Гапоном, наняли дачу в Озерках. После обмена записками о свидании с Рачковским, Рутенберг вызвал Гапона в Озерки на дачу.

Гапон приехал. Рабочие были спрятаны в маленькой комнате. Дворник был услан. Рутенберг ввел Гапона в комнату, смежную с той, где сидели рабочие. Тут Гапон, уверенный, что он с Рутенбергом в доме совершенно один, стал говорить вполне откровенно, увещевая Рутенберга не ломаться, согласиться на „открытие дела" за 25000 рублей. В дальнейшем разговоре Рутенберг касался различных моментов из жизни Гапона, и тот, уклоняясь от одних тем, на другие говорил смело и откровенно до цинизма.

На вопрос Рутенберга, что было бы, если бы рабочие узнали, что Гапон на службе у Рачковского, Гапон ответил, что этого доказать нельзя, т. к. свидетелей этому нет. Но через несколько минут ему пришлось убедиться, что свидетели есть. Суд был короток, и приговор, несмотря на униженные мольбы Гапона, был [illegible] Гапон был тут же, в доме, повешен. Это было в 7 часов вечера 28 марта 1906 года.